

V. Дённингхаус

Аграрная революция «сверху» и немцы Поволжья (1906–1914 гг.)

Кульминация социальных и политических конфликтов в деревне вынудили Николая II пересмотреть политику «консервации» патриархального уклада крестьянской жизни. Инициатором ее стал Председатель Совета министров, бывший саратовский губернатор П.А. Столыпин. В его первой правительственной декларации была изложена программа широких государственных реформ, самой важной из которых стала земельная реформа, основной целью которой являлась смена формы собственности: общинное землевладение в деревне должна была сменить личная земельная собственность крестьян. В предлагаемом исследовании проанализированы социально-экономические условия жизни немцев Поволжья во время столыпинских аграрных преобразований. В статье делается основной вывод, что переход немецких колонистов к наследственному землевладению не привел к коренному изменению их экономического положения. Одним из подтверждений слабой эффективности аграрных реформ в немецких селениях Поволжья явился регулярный отток желающих эмигрировать в Америку.

В исследовании использовались два методологических инструментария – метод традиционной политической истории и истории повседневности. Под историей повседневности автор понимает не только историю быта, а историю поведенческих стратегий, моделей и механизмов поведения, которые вырабатываются отдельными индивидами, общественными группами и институтами в целях адаптации/деадаптации к государственным/политическим системам и режимам. Основным источником для написания статьи послужили документы из Государственного архива Саратовской области (ГАСО), где отложились документы по истории развития немецких колоний в Саратовской губернии.

Ключевые слова: Российская империя; национальная политика; экономическая деятельность; столыпинская аграрная реформа; этнодисперсные группы; нацменьшинства; поволжские немцы.

V. Dönninghaus

Agrarian revolution “from above” and the Volga Germans (1906–1914)

Culmination of social and political conflicts in the country forced Nicholas II to revise the policy of "conservation" of the patriarchal peasant's way of life. Chairman of the Council of Ministers, former Saratov Governor P.A. Stolypin was its initiator. His first government declaration outlined a program of broad state reforms, the most important of which was the agrarian reform, centrally aimed to change the form of

property: communal land ownership in the country had to be changed by the personal land ownership of the peasants. The proposed study analyzes socio-economic conditions of the Volga Germans during the Stolypin agrarian transformations. The article concludes that the transfer of German colonists to hereditary tenure did not lead to a radical change in their economic situation. One of the confirmations of weak effectiveness of agrarian reforms in the German villages of Volga region was the regular outflow of people willing to emigrate to America.

Two methodological tools are used in the study – the method of traditional political history and history of everyday life. By everyday life history the author understands not only the history of daily routine, but the history of behavioral strategies, models and mechanisms of behavior that are developed by individuals, social groups and institutions in order to adapt/disaccustom to state/political systems and regimes. The article is mainly based on the sources of the State Archive of the Saratov Region (GASO), where documents on the history of development of German colonies in the Saratov province were deposited.

Key words: Russian Empire; Nationalities policy; economic and household activities; Stolypin agrarian reform; Diaspora minorities; Volga Germans.

«Немецкий колонист Поволжья не являет собою тип германской нации, потомков древних тевтонов. Это новый народ, даже новая раса, создавшаяся в особых жизненных условиях ...» [1, с. 377]

Введение

К 1917 г. по обоим берегам Волги располагалось более двухсот немецких колоний, население которых превышало 400 тыс. чел. За время существования немецких поселений колонисты упорным трудом способствовали подъему экономики региона, быстрому росту торговых и промышленных центров Юго-Востока России (Саратов, Самара, Царицын, Камышин и др.).

В предлагаемом исследовании сделана попытка не только проанализировать политику российского правительства по отношению к поволжским немцам во время столыпинской аграрной реформы, включая социально-экономические условия их жизни, но и обрисовать повседневную жизнь бывших колонистов [2, с. 10]¹, учитывая их нехарактерную для других групп российских немцев особенность, а именно – общинное землевладение. В статье раскрываются правовые и экономические проблемы жизни немецкого населения в период проведения столыпинской аграрной реформы, даны оценки реакции немцев на ликвидацию общины и создание «фермерских»

---

¹ Четвертого июня 1871 г. указом императора Александра II была ликвидирована особая колонистская администрация, колонисты перешли под общероссийское управление и получили статус поселян-собственников с теми же правами и обязанностями, что и русские крестьяне.

хозяйств. Показаны характерные черты и особенности эмиграционного движения в Поволжском регионе в исследуемый период. Главные вопросы исследования состоят в том, насколько специфическим был ответ колонистов на вызовы консервативной российской модернизации, в первую очередь в сравнении с окружающим их русским населением, какие основные факторы повлияли на его наполнение, в какой степени выбор, сделанный поволжскими немцами, был вынужденным, а в какой – добровольным.

Активное изучение истории российских немцев в Поволжье давно ведется как западными, так и российскими историками [3–14]. Учитывая то обстоятельство, что до конца 1980-х гг. для зарубежных исследователей были практически недоступны фонды советских архивов, необходимо выделить, в первую очередь, известную работу американского историка Джеймса В. Лонга «От привилегированных до лишенных собственности. Поволжские немцы, 1860–1917 гг.». В своей монографии, написанной на основе опубликованных источников и литературы, Д. Лонг попытался всесторонне рассмотреть проблемы развития немецкого этноса в Поволжье, включая аспекты экономической и культурной жизни поселенцев с периода от начала Великих реформ Александра II до Февральской революции включительно [7]. В тоже время, недоступность материалов российских архивов негативно сказалась на целом ряде сделанных автором выводов и обобщений в его фундаментальном исследовании.

Основная масса работ по истории поволжских немцев в исследуемый нами период затрагивает, как правило, лишь отдельные аспекты их жизни, к примеру, организацию и роль земского самоуправления (Томас Феллоус, Джеймс Лонг) [15; 16, с. 336–361; 17, с. 139–159]. Не остались вне поля зрения как российских, так и зарубежных историков проблемы эмиграции среди поволжских немцев конца XIX – начала XX столетий, включая основные этапы и мотивы этого движения [18, с. 133–143; 19, с. 87–101; 20; 21; 22, с. 97–108]. Среди авторов, затрагивавших эту тематику, необходимо выделить работу Тимоти Клоберданца, в которой он проанализировал влияние эмиграции на идентичность и самосознание поволжских немцев [23, с. 54–72; 24, с. 172–189]. Образ поволжских немцев в германской публицистике и политике стал объектом внимания Дитмара Нойтатца [25, с. 115–133].

В целом же необходимо отметить, что история немецких колоний в Поволжье в период между двумя революциями (1905–1917 гг.) изучена пока еще недостаточно полно. Фактически нет отдельных монографий или обобщающих трудов, исследующих в настоящем ракурсе этот важнейший для истории России отрезок времени [1;

26]¹. Исключение составляет научный сборник «Между реформой и революцией: немцы на Волге в 1870–1917 гг.», изданный в Германии, под редакцией Диттмара Дальманна и Ральфа Тухтенхагена [27], а также монография Виктора Деннингхауса «Революция, реформа и война. Немцы Поволжья в период заката Российской империи» [28–29]. Серьезный вклад в исследование проблематики поволжских немцев в межреволюционный период внес А.В. Воронежцев, проанализировавший в своих публикациях как этапы проведения столыпинской аграрной реформы в немецких селениях Саратовской губернии, так и состояние немецкой деревни Поволжья в период Первой мировой войны [30, с. 220–231; 31, с. 71–95]. Исследования С.Г. Нелиповича [32, с. 262–283; 33, с. 42–51; 34, с. 32–42; 35, с. 365–380; 36, с. 106–117], В.П. Тотфалушина [37, с. 181–183], Д.Г. Решетова [38; 39, с. 184–195; 40, с. 52–62; 41] и А.В. Посадского [42] посвящены изучению политики борьбы с «немецким засильем» во время войны, социально-экономическому положению немецких селений Саратовской и Самарской губерний в военное время.

Основным источником для написания статьи послужили документы из Государственного архива Саратовской области (ГАСО), где отложились документы не только по истории развития немецких колоний в Саратовской, но и в соседней, Самарской губерниях. Особую ценность для исследования социально-экономического и политического развития немецкого этноса в Поволжье, политики властей и ее проведения в жизнь местными органами представляют материалы Канцелярии Саратовского губернатора (Ф. 1) и материалы Саратовского губернского жандармского управления (Ф. 53). Среди отдельных архивных собраний, касающихся процессов проведения столыпинской реформы в немецких и русских селениях, необходимо выделить фонд Саратовского губернского присутствия (Ф. 23) и фонд Саратовской губернской землеустроительной комиссии (Ф. 400). Использованная автором документальная база была дополнена и уточнена материалами газеты «Камышинские вести» (1910), содержащей корреспонденцию непосредственно самих немецких поселян-собственников.

В исследовании использовались два методологических инструментария – метод традиционной политической истории и истории

---

¹ Необходимо отметить, что большой интерес до сих пор представляет работа Якова Дитца, депутата I-ой Государственной Думы от Саратовской губернии, привлечшего в процессе написания своей книги документы, не сохранившиеся до наших дней. Несмотря на догматический классовый подход в методологии исследования и ее крайнюю идеологизацию, актуальной до сих пор остается и монография Д. Шмидта, в которой имеется много фактического материала, не представленного в ряде других исследований.

повседневности. Такой выбор диктовался не столько личным предпочтением автора, сколько особенностями использованных ими комплексов исторических источников, задававших правила и границы своего прочтения. Под историей повседневности автор, опираясь на труды А. Людке (Alf Lüdtke) и Ш. Фицпатрик (Sheila Fitzpatrick), понимает не только историю быта, а историю поведенческих стратегий, моделей и механизмов поведения, которые вырабатываются отдельными индивидами, общественными группами и институтами в целях адаптации/дезадаптации к политическим системам и режимам.

1. Немцы и «русский мир»

На основании закона о единонаследии (Указ императрицы Екатерины II о распорядке в колониях от 1764 г.), хозяйство после смерти колониста, со всеми правами и обязанностями наследовал только младший сын. Старшие сыновья должны были заниматься ремеслом или торговлей, т.е. деятельностью, не связанной с земледелием. Данный порядок наследования имел место в Голландии, в ряде местностей Северной Германии и Франции (Бретань), где привел к хозяйственному расцвету этих регионов на основе тесного взаимодействия фермерского сельского хозяйства и мануфактурной промышленности. Яркий пример влияния данного закона на жизнь немецких колонистов дают меннонитские колонии Юга Украины, где система единонаследия была полностью сохранена. Данному процессу в южных колониях сопутствовало прежде всего то, что меннониты, являясь выходцами из Голландии и северо-западной Германии, издавна придерживались этой формы наследования земли. Для меннонитских колоний Новороссии было привычным явлением, когда только один из сыновей получал все 65-десятинное хозяйство, хотя при этом в колониях скапливалась большая группа безземельной молодежи [43, с. 139–140].

В колониях Поволжья положение в вопросе наследования земли отличалось от положения колонистов Юга. Хотя закон о единонаследии первоначально распространялся и на поволжских колонистов, у них система единонаследия не прижилась. Для интенсивного сельского хозяйства здесь не было необходимых географических и социально-экономических предпосылок. Засушливая степь была непригодна для интенсивного развития молочно-сырного производства, города были слабо развиты и малочисленны. Немецкие ремесленники не могли конкурировать с более дешевыми товарами русских мастеров. Подраставшие сыновья колонистов оказывались, согласно предписанной системе наследования, и без земли, и без работы. Запасы земли в колониях быстро закончились, молодежь не могла найти применения своему труду. Кроме того, колонисты Поволжья, выходцы из юго-западной Германии, не знали «голландских» правил наследования и не признавали их. Закон о

единонаследии не нашел поддержки и среди самой колониальной администрации [43, с. 141].

Директор экономии Огарев, управлявший поволжскими колониями в 1783–96 гг., предложил колонистам принять русскую передельную общину вместе с присущей ей круговой порукой. Это предложение было принято колонистами. Таким образом, в Поволжье возникла настоящая русская община или «мир», как ее называли сами немцы. Старшие сыновья колонистов при этом также получали земельные участки, все были обеспечены землей поровну, росло число новых семей. Но земли становились все меньше, и со временем колонисты были вынуждены все чаще арендовать землю. Большинство обедневших поволжских немцев владели небольшими и достаточно удаленными от села наделами. Существование в Поволжье передельной общины не допускало накопления земли и капитала в руках богатого колониста и тормозило развитие свободного фермерского хозяйства. Следует отметить, что системы земледелия, сложившиеся в «материнских» колониях Поволжья и Причерноморья, были полностью перенесены и в «дочерние» колонии [43, с. 141].

Если к середине XIX в. на правом берегу Волги проживало около 95 тыс. колонистов, то по переписи 1897 г. их численность достигла более 160 тыс. чел. [44, с. 210; 7, с. 12]¹. Одновременно выросло и количество немецких семейств, что объяснялось не столько общим приростом населения, сколько раздроблением старых, «многолюдных» семей. Следствием этого разделения явилось не только обнищание отдельной части колонистов, за счет уменьшения в каждой отдельной семье рабочих рук, скота и инвентаря, но и немецких колоний в целом [45, л. 3 (а) об.; 46, с. 66–67]. Оценивая положение немцев в Камышинском уезде в январе 1900 г., земский начальник Лавров констатировал: «... Я, со своей стороны, никаких особенных отличий у них от русского населения указать не могу; ... тоже общинное владение землей, также отжившая свой век трехпольная система, также не удобряются поля и, наконец, те же хлеба возделываются ...» [45, л. 31 об.].

Вследствие недостатка пахотных площадей для нормального существования и содержания семей, колонисты, как и русские крестьяне, были вынуждены прибегать к регулярной аренде помещичьих земель, несколько смягчавшей остроту земельной проблемы, но не решавшей ее [7, с. 119]. Так, например, только благодаря аренде существовали, точнее говоря выживали, немецкие поселен-

---

¹ После отделения Заволжья в 1850 г., на территории Саратовской губернии остались лишь правобережные немецкие колонии. Немецкие поселения на левом берегу Волги отошли к Самарской губернии, где по переписи 1897 г. проживало уже более 215 тыс. немецких поселян.

цы Ягодно-Полянской волости, где к началу XX столетия на число «наличных по разверстке душ» приходилось менее одной десятины¹ пахотной земли. Причем эта незначительная площадь совершенно не засеивалась пшеницей², а лишь картофелем, подсолнухом и рожью [7, с. 83–84, 88; 47, л. 20]. Резкий рост цен за долгосрочную аренду земли и часто повторяющиеся неурожаи привели к большим задолженностям среди населения Саратовской губернии, включая и немецких поселенцев. Многие из колонистов были уже не в состоянии оплачивать землю на условиях арендаторов, что вынуждало их сеять – «исполу», т. е., отдавая половину урожая владельцу земельного участка.

Проблема малоземелья вынудила, к примеру, колонистов Сосновской волости прибегнуть к дополнительным, побочным заработкам – сарпиночному производству [47, л. 120 об. – 121; 1, с. 276–277]. Причем, поселяне, всецело посвятившие себя ткачеству сарпинки (45% всех семей), сдавали свои душевые земельные наделы в аренду своим же нуждающимся землякам – земледельцам, на весьма невыгодных для последних условиях «испольщины» [7, с. 123, 157]. Таким образом, наряду с обогащением одной части колонистского населения, постепенно скатывалась к нищете другая ее часть. В то же время, исключить использование надельной землей колонистов – ремесленников, остававшихся членами общин, не представлялось реальным [45, л. 9 об.].

Рост малоземелья и необходимость поиска заработков на стороне вели к оттоку беднейшей части колонистов, как и их русских соседей, в большие города. Это нарушало сложившиеся патриархальные порядки, приводя к определенной «нравственной деморализации» данных членов общины [45, л. 9 об.].

Одним из последствий разорения поволжской деревни явилось появление большого количества нищих в городских и сельских центрах региона. Причем среди нищих все чаще стали попадаться и немцы, традиционно считавшиеся крепкими хозяевами [48, с. 27; 49, с. 22]. Один из корреспондентов, описывая ситуацию в Камышинском уезде весной 1910 г., с удивлением отмечал: «Верхняя Добринка, волею судеб посаженная чуть ли не в центре немецких колоний, круглый год, а в особенности в великие праздники, осаждается немцами-нищими, [которые] ... во множестве шатаются по дворам и выпрашивают милостыню или же наполняют церковную ограду и здесь собирают подаяния ...» [50, с. 3].

---

¹ В ряде документов встречается цифра еще меньше – 28,5 кв. сажень на одну душу мужского пола (одна сажень составляет 2,13 м).

² Именно пшеница являлась основным объектом сельскохозяйственной деятельности поволжских колонистов в предвоенные годы, занимая обычно около 45 % посевных площадей.

Постоянный недостаток необходимых материальных средств неизменно отражался и на состоянии здоровья колонистов. Характерным примером тому может служить массовое распространение в начале XX в. в немецких селениях трахомы – глазной болезни, неизменного спутника антисанитарных условий проживания и нищеты [51, с. 3].

2. Столыпинская аграрная реформа в немецкой деревне

Кульминация социальных и политических конфликтов в деревне вынудили Николая II пересмотреть политику «консервации» патриархального уклада крестьянской жизни. Инициатором ее стал Председатель Совета министров, бывший саратовский губернатор П.А. Столыпин. В его первой правительственной декларации была изложена программа широких государственных реформ, самой важной из которых стала земельная реформа, основной целью которой являлась смена формы собственности: общинное землевладение в деревне должна была сменить личная земельная собственность крестьян.

Столыпинскую аграрную реформу немцы встретили настороженно, без особого энтузиазма. Процесс покупки-продажи земли в немецких колониях нес в себе угрозу существования не только общины, но и самой этнической целостности немецких поселений. Одно представление, что в результате этого процесса в колонию могли вторгнуться «чужие» лица, деформируя социально-этнические устои сложившегося общества, вынуждали часть немцев не только занять выжидательную позицию, но и выступить против подобного вторжения [7, с. 133–134].

Вместе с тем, в немецких колониях Поволжья не наблюдалось особого водораздела, рассекавшего немцев – «хуторян» с одной стороны и общинников с другой, как это происходило в русских селениях на фоне настоящей перманентной войны и раскола деревни на два враждебных лагеря [52, с. 24]. В отличие от русских крестьян, активно бойкотировавших избрание своих кандидатов для работы в землеустроительных комиссиях и не являвшихся на сельские сходы, немецкие поселяне продемонстрировали свою полную лояльность властям: среди 30 % бойкотировавших выборы волостных сходов не оказалось ни одной немецкой волости [53, л. 5, 12–13; 30, с. 221].

В целом по России наиболее значительный выход крестьян из общины наблюдался именно в первые годы проведения аграрной реформы. Эта же тенденция была характерна и для русских селений Саратовской губернии, где в 1906–1909 гг. было отмечено более 50% всех выделов из общины [53, л. 5, 12–13]. Но уже в 1909 г. стали фиксироваться случаи повторного возвращения выделенцев к общинному землепользованию, а к началу 1910 г. численность же-

лающих покинуть общину резко снизилась. На вопрос о том, что же заставило их принять такое решение, крестьяне, как правило отвечали: «Жить тяжело. ‚Мир‘ злобится на нас, за то, что выделились...» [52, с. 21]. К 1912 г. период более или менее интенсивного выхода крестьян Саратовской губернии из общины практически закончился. Если в течение 1906–1912 гг. укрепили землю в частную собственность и покинули общину более 87 тыс. домохозяев (90 % от всех выходов), то за все остальные годы проведения реформы, число выделенцев едва достигло 10 тыс. В общей сложности, в Саратовской губернии за 1906–1912 гг. укрепили землю в частную собственность около 25 % всех крестьянских дворов (по России, для сравнения, только 17 %) [48, с. 94; 52, с. 21; 54, с. 591–592].

В немецких селениях, напротив, на начальном этапе аграрных преобразований имело место весьма инертное отношение поселян к выходу из общины. Большинство сельских обществ противились переменам, предпочитая новому аграрному порядку традиционные переделы земли, а численность немцев – выделенцев была минимальной. С момента введения Указа от 9 ноября 1906 г. и вплоть до 1910 г. лишь несколько немецких селений рискнули полностью перейти к частному владению землей. Причем, укрепив ее в личную собственность за всеми домохозяевами, решения выйти на отруба принято не было, что естественно сохраняло традиционную чересполосицу. К 1910 г. только в шести из 57 немецких колоний на общинных сходах удалось набрать две трети голосов, необходимых для перехода на частную земельную собственность [30, с. 221–222; 7, с. 134–136; 26, с. 352–353].

Перелом в психологии поселян-собственников наступил лишь в 1910 г., после официально утвержденного Госдумой Закона от 14 июня, проявившись в массовом оттоке немецкого населения на отруба¹, нередко целыми селениями [54, с. 591–592; 26, с. 352–355]. Процесс разрушения немецкой общины Саратовского Поволжья был весьма показателен. Так, за время реформы только в Камышинском уезде общину покинули около 15,5 тысяч немецких домохозяев, что составило 71 % от их общей численности. При этом, около 11 тыс. из них (69,4 %) вышли на отрубное и хуторское хозяйство². В общей сложности, община полностью прекратила свое существование в 32 из 51 колонии Камышинского уезда [55, л. 242 об.–243; 56, л. 1 об.–2; 57, с. 90; 58, с. 443].

---

¹ Закон предписывал землеустроительным комиссиям отдавать предпочтение разверстанью целых селений, а одиночными выделами заниматься в последнюю очередь.

² Необходимо учитывать, что остающиеся члены общины увеличивали свои наделы в основном за счет тех поселенцев, которые переселялись на купленные отруба.

Наряду с обеспеченными хозяевами, наблюдался и массовый выход деревенской бедноты, воспользовавшейся своим правом избавиться от наделных земель, чтобы уехать в город, переселиться в Сибирь или податься в эмиграцию. Причем, выгнанная или вышедшая на хутора и отруба беднота, оставалась беднотой и там. По различным подсчетам, около 24 % выделенцев Саратовской губернии сразу продали свои участки [48, с. 95; 54, с. 592–593]. Не составили особого исключения и немецкие колонисты.

3. Противодействие немцев аграрным преобразованиям в деревне

Главная трудность, с которой столкнулась новая аграрная политика в Поволжье, как и в целом по России, была связана с недовольством большей части крестьян навязанным сверху земельным переустройством и их активным противодействием столыпинским преобразованиям. Нередко общинники допускали антиправительственные выкрики на сходах, оскорбляли членов землеустроительных комиссий, отказывались выделять денежные средства, людей, лошадей и материалы, необходимые для размежевания земли и т. д. [59, л. 122–122 об., 124–124 об., 128]. В ряде русскоязычных селений Поволжья между выделенцами и общинниками развернулась настоящая борьба на почве аграрного переустройства. Закрепление наделов в личную собственность нередко лишало крестьян лучших земель, осложняло им доступ к водоемам, пастбищам и выгонам. Общинники и выделенцы жили бок о бок, что давало первым возможность регулярного воздействия на вторых без улик и свидетелей. Диапазон такого воздействия крестьян-общинников на выделенцев был невероятно широк: от косога взгляда и насмешки до поджогов и убийств [52, с. 17; 60, с. 157–158; 61, с. 214–215]. Были зафиксированы случаи, когда детей выделенцев не принимали в школу, а молодоженов не пускали венчаться в церковь. Нередко вышедшим из общины запрещали пользоваться дорогами, колодцами, реками, озерами и прудами. В соседней Уфимской губернии наблюдались даже случаи, когда сходы запрещали хоронить членов семей отрубщиков и хуторян на сельском кладбище [52, с. 17]. Саратовский губернатор А.А. Ширинский-Шихматов (1913–1915) отмечал в своем письме к П.А. Столыпину, что «отношение крестьян-общинников к крестьянам, перешедшим к новым формам землепользования, действительно, во многих местах Саратовской губернии враждебно» [52, с. 18].

Как уже указывалось выше, ситуация в немецких селениях была кардинально иной. «Наши колонисты спокойны ..., – констатировал, к примеру, старшина из немецкого селения Лесной Карамыш в январе 1906 г., – несмотря на малоземелье и полную несостоятельность системы управления колониями, здесь нет ни аграрных

беспорядков, ни политических движений ...» [53, с. 2]. Причину подобной политической апатичности немцев староста из соседнего немецкого селения Таловка объяснял следующим образом: «У нас нет земли, нет порядка, а явись мы со своими требованиями, нас забьют, скажут: ,И вы с жидами за одно бунтовать вздумали, хотите заводить у нас свои немецкие порядки'. И признают нас изменниками и казачьими полчищами сотрут с лица земли ...» [53, с. 3]. Подобное высказывание как нельзя точно отражает настроения, доминировавшие в немецких селениях в первое десятилетие XX в., включая период активных революционных выступлений 1905–1907 гг. Немецкие поселенцы просто не могли позволить себе роскоши открыто выступить против режима, даже несмотря на их скрытое недовольство. Ведь это, несомненно, дало бы дополнительный импульс российским национал-патриотам при обвинении немцев в неоялренности и предательстве приютившей их «*матушке*» России.

Несмотря на то, что в немецких волостях серьезной агитации и массовых выступлений в период аграрной реформы не отмечалось, отдельные случаи «неповиновения»¹ все-таки имели место и здесь [7, с. 134]. В июне 1907 г. Камышинская уездная земская управа предприняла попытку обсуждения на сельских сходах проблемы перехода земледельцев к хуторскому хозяйству. При этом, по заключению Саратовского жандармского управления, управа весьма «тенденциозно» описала суть хуторского хозяйства, выделив лишь негативные стороны частного землевладения. Причем инициаторами обращения выступили председатель управы Т.К. Зиньковский (позже отданный властями под суд) и ее член – немецкий поселянин Е.Т. Брандт [48, с. 168; 30, с. 222; 63, л. 2 об.].

Следует отметить, что в ряде сельских обществ в немецкоязычных селениях долгое время шла незримая борьба между лицами, стремившимися выйти из общины и общинниками. Причем даже единичные укрепления наделов в личную собственность вносили в общину раскол, так как укрепивший свой чересполосный надел поселянин автоматически получал право на выделение ему земли в отдельном месте. Чтобы подобное желание выделенцев не попадало в зависимость от соглашения с «миром», Министерство внутренних дел даже предписало проводить подобные выделы не только во время очередных переделов, как это было зафиксированно в Указе от 9 ноября 1906 г., но и в промежутках между ними. На практике это означало, что даже один единственный выделенец мог раз в год потребовать передела всех общинных земель.

---

¹ По мнению Дж. Лонга, сопротивление столыпинской реформе прежде всего проявлялось в тех колониях, где община была крепкой, существовала продолжительное время, а также там, где остро ощущалась нехватка земли.

Что касается административного давления на поволжских немцев с целью ускорения их выхода из общины, то выявленные источники, как правило, его не отражают. В частности, нам удалось выявить только несколько единичных случаев, имевших место в Камышинском уезде в исследуемый период [30, с. 224]. Так, например, Сосновское сельское общество в сентябре 1908 г. вынесло решение о переделе всей пахотной земли с ее последующим укреплением в личную собственность. Камышинский уездный суд и Саратовское губернское присутствие не утвердили данный приговор немецких поселенцев, посчитав, что такое решение «противоречит целям землеустройства, так как избранный обществом порядок землепользования не устраняет чересполосицы и парализует навсегда стремление отдельных крестьян к выделу земли в одном месте» [64, л. 7–8 об.; 65, л. 2, 5 об. – 6]. Несмотря на позицию губернских властей, Правительствующий Сенат поддержал своим решением от 8 февраля 1913 г. приговор Сосновского общества, разрешив разбивать им наделную землю на подворные участки по их собственному желанию [64, л. 7–8 об.; 31–32].

Аналогичная попытка имела место и в селении Голый Карамыш (Balzer), где сельское общество для окончательного передела и укрепления земли в противовес установкам местных властей вновь приняло в свой состав единоличников [65, л. 2–3 об., 5–6].

В целом, анализ выявленных документов позволяет нам сделать вывод о весьма слабом противодействии немецких поселян проведению аграрных преобразований, особенно на фоне настоящей перманентной войны и раскола деревни на два враждебных лагеря в соседних, русскоязычных селениях [66, л. 102–103 об.; 48, с. 97–99; 7, с. 135]. Особого водораздела, размежевавшего отрубщиков (хуторян), с одной стороны, и общинников, с другой, в большинстве немецких поселений Поволжского региона не наблюдалось.

4. Поиск «земли обетованной»

Для многих немецких земледельцев «слабого достатка» реформа Столыпина и связанное с ней выделение государственных земель на востоке страны представлялось единственным средством спасения от бедности. Удешевленный проезд по железной дороге, возможность продажи своего наделного участка без согласия на то общины, надежда разбогатеть – вот основные мотивы, побуждавшие немецкую бедноту на переселение за Урал.

Анализируя процесс организации немецких селений в Кулундинской степи, Л.В. Малиновский заметил, что почти все они возникли именно в начальный период столыпинской реформы. Так, из 51 колонии 45 возникли в 1907–1910 гг. В 1910–1914 гг. здесь было создано всего лишь 5 немецких поселений. При этом основное

население их составили переселенцы с юга Украины; немцев из Поволжья среди них было относительно мало [58, с. 94]. В то же время поток миграционного движения поволжских немцев был отмечен в Казахстане и Средней Азии. Среди 30 немецких поселений, возникших в 1901–1910 гг. в северных уездах Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областей, именно мигранты из немецких колоний Поволжья составили основное большинство [67, с. 166].

Однако поиск «земли обетованной» за Уралом нередко заканчивался для немецкой бедноты настоящими трагедиями. Описывая одно из таких переселений в Сибирь, житель колонии Ключи Сосновской волости сообщал: «... Желание [переселиться] приняло эпидемический характер – до 250 семей ... зимой 1908 г., явилось в местное сельское управление для получения выписок из посемейного списка ...» [50, с. 3]. Многие из поселян, поверив сказочным мифам проживавших в Сибири земляков об их материальном благополучии, распродав свои дома, скот, скарб и не успев даже получить специальных свидетельств для проезда по льготному (переселенческому) тарифу, отправились зимой туда, «где их встретило полное разочарование» [58, с. 92–94]. Большая часть переселившихся семей была вынуждена сразу же вернуться назад, потеряв при этом последние накопления, с твердым убеждением, что «наши же ключийцы – такие же заурядные бедняки, какими были и дома ...» [50, с. 3]. «Переселенческий дух пропал, – отмечали очевидцы, подводя итоги поездки в Сибирь, – охота к переселению как рукой снята» [50, с. 3].

На факты бедственного положения переселенцев, стоявших на грани нищеты, обратил свое внимание и корреспондент газеты «*Odessaer Zeitung*», посетивший в 1907 г. селение Келлеровка в Северном Казахстане. Он подтвердил случаи «заманивания» новоселами своих же односельчан и родственников, зачастую путем обмана, чтобы просто занять у них денег [58, с. 93]. В итоге для значительной части переселенцев-неудачников, вынужденных вернуться назад в родные селения, оставался только один путь – эмигрировать. В противном случае они могли пополнить и без того многочисленную армию поволжских «босяков».

5. Эмиграция в Америку

Только за период с 1900 по 1909 гг. из одного Саратовского Поволжья эмигрировали около 21 тыс. немцев: свыше 17,5 тыс. из Камышинского и более 3,5 тыс. из Аткарского и Саратовского уездов [68, л. 118–118 об.]. Основная часть эмигрантов направлялась в Северную Америку (США, Канаду, Мексику), и лишь небольшая оседала в Южной Америке (Аргентине, Бразилии, Парагвае) [69, с. 176]¹.

---

¹ Первый поток немецких эмигрантов из Нижнего Поволжья в Бразилию и Аргентину был отмечен в 1876 г.

По мнению местных властей Усть-Кулалинской волости (декабрь 1900 г.), причины роста ежегодного оттока немецкого населения на постоянное место жительства в страны Нового Света заключались в следующем: «Местное население имеет недостаток в пахотной земле, за последние годы впало в бедность, кругом задолжено и не имеет добросовестно оплачиваемых заработков, а в Америке – труды земледельца оплачиваются хорошо...» [70, л. 18 об.].

Эмиграционное движение, включая кратковременный выезд на заработки, затронуло не только чисто земледельческие колонии, жителей которых на переселение толкал земельный «голод» и низкое качество надельных участков, но и регионы, где немало поселенцев существовали за счет развития кустарно-ремесленного производства [68, л. 11 об.]. В целом, отношение в бывших немецких колониях к эмигрантам было уважительное, так как при общинном владении землей остающиеся односельчане получали существенную выгоду, пользуясь надельными участками уехавших за границу за сравнительно низкую плату [68, л. 11 об.; 7, с. 31, 122–123].

Местные власти однозначно заявляли, что никакого ущерба интересам местного населения эмиграция не приносит, недостатка в наемной рабочей силе не наблюдается и «расстройства» в крестьянское хозяйство не вносятся, а скорее наоборот, «остающиеся на родине, пользуясь земельными наделами отъезжающих за недорогое вознаграждение, поправляют свои хозяйства» [68, л. 6–6 об.]. В свою очередь, эмиграционное движение прямо способствовало разделению больших немецких семейств, ослабляя тем самым катастрофическое влияние роста населения в немецких колониях. Местные представители власти подтверждали, что немецкое население к эмиграционному движению относится с «большой симпатией», особенно, к выселяющимся целыми семьями, не без умысла предполагая, что последние оставят свою землю в пользу общины [68, л. 6б]. По понятным причинам, такая «симпатия» со стороны оставшихся поселян отмечалась лишь до начала столыпинских аграрных преобразований. После издания Указа от 9 ноября 1906 г., у выезжавших за рубеж колонистов появилась возможность продать свои земельные наделы, что нередко приводило к конфронтации с однообщинниками [71, л. 2–3 об.].

После выхода столыпинского Указа, в немецких селениях Поволжья усилилась и тенденция реэмиграции. Так, по наблюдениям волостных органов Саратовской губернии, были отмечены случаи возвращения реэмигрантов на родину, движимых одной целью – «посмотреть на открывающиеся новые условия владения землей в России и решить, что дальше делать» [68, л. 73 об.]. Однако, кроме желания воочию убедиться в перспективах и возможностях правительственной земельной реформы, многие эмигранты были зача-

стую вынуждены вернуться назад, чтобы не потерять свое право на владение надельными землями.

Эмиграционное движение среди немецких поселенцев, включая краткосрочные выезды на заработки, не прекращались весь предвоенный период. Причем, в целом по России, пик этого движения пришелся именно на последние предвоенные годы (1912–1914) [21, с. 331–332, 334]. Впечатляющий рост эмигрантов из немецких поселений с общинной системой землевладения, свидетельствовал о «голосовании ногами» данной части поселян против общины, отсутствии страха разрыва с ней. Однако, наряду с этой тенденцией, по сути закономерной в момент ломки общинной системы, четко проявился и количественный рост эмигрантов из уже разделенных на отруба немецких селений.

Отток беднейших слоев населения немецких волостей за границу, включая движущую силу любой революции – молодежь, как и вообще сама возможность выезда из России, привели к более мягкому социально-классовому «климату» в немецких колониях, по сравнению с русскими деревнями Поволжья. Эмиграция явилась своеобразным клапаном, через который вырывалось недовольство определенной части немецких поселенцев их имущественным и социальным положением, а также патриархальным характером заимствованной от русских соседей общины.

Эмиграционную волну российских немцев смогла остановить лишь Первая мировая война, а точнее говоря, закрытие государственных границ с момента ее начала. По различным данным, с 1874 по 1914 гг., за океан переселилось около 100 тыс. поволжских колонистов [72, с. 174; 19, с. 87].

Заключение

Аграрное перенаселение, проявлявшее себя в немецких колониях уже с середины XIX в., к началу XX столетия стало важнейшим фактором, влиявшим на социально-экономическое развитие не только мест компактного проживания немцев, но и всего Нижнего Поволжья. Развитие товарно-денежных отношений, возникновение безработицы, рост отходничества и появление новых регионов переселения приводили не только к коренной ломке психологии единичных поселян-собственников, но и всего патриархального жизненного уклада их обществ.

Решение проблемы малоземелья в немецких селениях, несмотря на всю ее остроту, в отличии от соседних русских деревень, не выходило за рамки жарких споров между бедными и богатыми поселянами, в крайнем случае выливаясь лишь в потасовки и драки. Среди основных причин такой низкой политической активности колонистов Поволжья необходимо выделить слабовыраженное соци-

альное расслоение в немецких селениях, отсутствие крупного помещичьего землевладения, массовое незнание русского языка.

Главная трудность, с которой столкнулась новая аграрная политика в Поволжье, как и в целом по России, была связана с недовольством большей части крестьян навязанным земельным переустройством и их активным противодействием столыпинским преобразованиям в деревне. В немецких селениях, напротив, серьезной агитации и массовых выступлений в период аграрной реформы не отмечалось, за исключением отдельных случаев «неповиновения» властям. Тем не менее процесс покупки-продажи земли в немецких колониях нес угрозу существованию не только самой общины, но и этнической целостности немецких поселений. Вместе с тем, особого водораздела, разделявшего немцев-выделенцев, с одной стороны, и общинников, с другой, в немецких колониях Поволжья не наблюдалось. Проблему земельного голода немецкие поселяне решали специфическим, «нереволюционным путем»: эмиграцией за океан, переселением в далекую Сибирь, арендой свободных земель в соседних регионах, путем развития ремесленного производства и т. д.

Список литературы

1. Дитц Я. История поволжских немцев-колонистов. – М.: Готика, 1997. – 495 с.
2. Немцы России: Энциклопедия. / Die Deutschen Russlands. Enzyklopädie / Под ред. В. Карева. – М.: ЭРН, 1999. – Т. 1. – 832 с.
3. Koch F.C. The Volga Germans in Russia and the Americas from 1763 to the Present. – London: Penn State University Press, 1977. – 388 p.
4. Scheuerman R.D., Trafzer C.E. The Volga Germans. Pioneers of the Northwest. – Moscow: University Press of Idaho, 1985. – 245 p.
5. Bourret J.-F. Les Allemands de la Volga. Histoire culturelle d'une minorité, 1763–1941. – Lyon: Presses Universitaires, 1986. – 530 p.
6. Schippan M., Striegnitz S. Wolgadeutsche. Geschichte und Gegenwart. – Berlin: Dietz-Verlag, 1992. 240 S.
7. Long J.W. From Privileged to Dispossessed. The Volga Germans, 1860–1917. – Lincoln: University of Nebraska Press, 1988. – 337 p.
8. Герман А.А. Немецкая автономия на Волге 1918–1941. Ч. 1. Автономная область. 1918–1924. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1992. – 192 с.
9. Герман А.А. Немецкая автономия на Волге 1918–1941. Ч. 2. Автономная республика. 1924–1941. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1994. – 416 с.
10. Немцы в Саратовском Поволжье (Сообщения Энгельсского краеведческого музея. Вып. 5.). – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1997. – 148 с.
11. Плеве И.Р. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. – М.: Международный союз немецкой культуры, 1998. – 399 с.
12. Brandes D., Busch M., Pavlović K. Bibliographie zur Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen. Bd. 1: Von der Einwanderung bis 1917. – München: R. Oldenbourg, 1994. – 370 S.
13. Brandes D., Dönninghaus V. Bibliographie zur Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen. Bd. 2: Von 1917 bis 1998. – München: R. Oldenbourg, 1999. 988 S.

14. Чернова Т.Н. Российские немцы: Отечественная библиография 1991–2000 гг. – М.: Готика, 2001. – 268 с.
15. Long J.W. The Volga Germans and the Zemstvos, 1865–1917 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. – 1982. – Bd. 30. – S. 336–361.
16. Fallows T. Forging the Zemstvo Movement. Liberalism and Radicalism on the Volga, 1890–1905. Diss. Harvard University 1981.
17. Long J.W. The Volga Germans of Saratov Province between Reform and Revolution, 1861–1905 // *Politics and Society in Provincial Russia: Saratov, 1590–1917* / Ed. by R.A. Wade, S.J. Seregny. – Ohio, 1989. pp. 139–159.
18. Janssen S. Germans from Russia in the United States and Germans in Russia, 1870–1928: a Comparison of Adaption in Democratic and Authoritarian Regimes // *Problems of Democracy in the United States* / Ed. by W.P. Adams u.a. – Berlin: John F. Kennedy-Institut für Nordamerikastudien, 1993. pp. 133–143
19. Janssen S. Vom Zarenreich in den amerikanischen Westen: Rußlanddeutsche Immigranten in North Dakota und Nebraska (1870–1928) // *Deutsche in Rußland* / Hg. v. Hans Rothe. – Köln: Böhlau, 1996. – S. 87–101.
20. Кабузан В.М. Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII – начале XX века. – М.: Наука, 1998. – 268 с.
21. Кабузан В.М. Русские в мире. Динамика численности и расселения (1719–1989). Формирование этнических и политических границ русского народа. – СПб.: Блиц, 1996. – 352 с.
22. Воронежцев А.В. Миграционные процессы в Поволжских колониях в XIX в. // *Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект*. – М.: Готика, 1998. – С. 97–108.
23. Klobberdanz T.J. Plainsmen of Three Continents: Volga German Adaptation to Steppe, Prairie, and Pampa // *Ethnicity on the Great Plains* / Hg. v. F.C. Luebke. Lincoln, 1980. – P. 54–72.
24. Klobberdanz T.J. Die Auswanderung nach Amerika und ihre Auswirkung auf Identität und Weltanschauung der Wolgadeutschen in Rußland // *Zwischen Reform und Revolution: die Deutschen an der Wolga, 1870–1917* / Hg. v. Dittmar Dahlmann – Ralph Tuchtenhagen. – Essen, 1994. – S. 172–189.
25. Neutatz D. Die Wolgadeutschen in der reichsdeutschen Publizistik und Politik bis zum Ende des Ersten Weltkrieges // *Zwischen Reform und Revolution: die Deutschen an der Wolga, 1870–1917* / Hg. v. Dittmar Dahlmann – Ralph Tuchtenhagen. – Essen, 1994. – S. 115–133.
26. Schmidt D. Studien über die Geschichte der Wolgadeutschen. – Teil 1: Seit der Einwanderung bis zum imperialistischen Weltkriege. – Pokrowsk; Moskau: Char-kow, 1930. – 386 s.
27. *Zwischen Reform und Revolution: die Deutschen an der Wolga, 1870–1917.* / Hg. v. Dittmar Dahlmann – Ralph Tuchtenhagen. – Essen: Klartext, 1994. – 404 s.
28. Dönninghaus, Victor: *Revolution, Reform und Krieg. Die Deutschen an der Wolga im ausgehenden Zarenreich*. – Essen: Klartext, 2002. – 315 s.
29. Деннингхаус, В.: *Революция, реформа и война. Немцы Поволжья в период заката Российской империи*. – М.: Росспэн, 2015. – 327 с.
30. Воронежцев А.В. Поселяне-собственники Саратовской губернии и столыпинская аграрная реформа // *Российские немцы: Проблемы истории, языка и современного положения*. – М.: Готика, 1996. – С. 220–231.
31. Воронежцев А.В. Немецкие колонисты в Поволжье в годы первой мировой войны (на материалах Саратовской и Самарской губерний) // *Немцы*

- России: социально-экономическое и духовное развитие (1871–1941 гг.). – М: Готика, 2002. – С. 71–95.
32. Нелипович С.Г. Роль военного руководства России в «немецком вопросе» в годы Первой мировой войны (1914–1917) // Проблемы истории, языка и современного положения. – М.: Готика, 1996. – С. 262–283.
33. Нелипович С.Г. Генерал от инфантерии Н. Н. Янушкевич: «Немецкую пакость уволить и без нежностей...»: Депортации в России 1914–1918 гг. // Воен.-ист. журн. – 1997. – № 1. – С. 42–51.
34. Нелипович С.Г. Репрессии против подданных «центральных держав». Депортации в России 1914–1918 гг. // Воен. ист. журн. – 1997. – №. 6. – С. 32–42.
35. Нелипович С.Г. Проблема лояльности российских немцев в конфликтах XX века: историография вопроса и круг источников // Немцы России и СССР: 1901–1941 гг. – М.: Готика, 2000. – С. 365–380.
36. Нелипович С.Г. Источники по истории немецких колонистов России в годы Первой мировой войны (обзор документов Российского государственного военно-исторического архива) // Российские немцы: историография и источниковедение. – М.: Готика, 1997. – С. 106–117.
37. Тотфалушин В.П. «Русские» немцы и немецкий вопрос в годы Первой мировой войны (на материалах Саратовской и Самарской губерний) // Краеведческие чтения: доклады и сообщения IV–VI чтений. Саратов, 1994. – С. 181–182.
38. Решетов Д.Г. Немецкие колонии Нижнего Поволжья в годы Первой мировой войны. Рукопись. – Саратов, 2000.
39. Решетов Д.Г. Немецкие колонисты западных губерний России, депортированные в Поволжье в годы Первой мировой войны // Миграционные процессы среди российских немцев: ист. аспект. – М.: Готика, 1998. – С. 184–195.
40. Решетов Д.Г. Помощь немецких колоний Нижнего Поволжья фронту в годы Первой мировой войны // Немцы России и СССР. 1901–1941: материалы междунар. науч. конф. – М.: Готика, 2000. – С. 52–62.
41. Решетов Д.Г. Влияние Первой мировой войны на социально-экономическое развитие немецких колоний Нижнего Поволжья: дис. ... канд. ист. наук. – Саратов, 2006.
42. Посадский А.В. Социально-политические интересы крестьянства и их проявления в 1914–21 гг. (на материалах Саратовского Поволжья): дис. ... канд. ист. наук. – Саратов, 1997.
43. Деннингхаус В. Безземельные [колонисты] // Немцы России. Энциклопедия / Die Deutschen Russlands. Enzyklopädie / под ред. В. Карева. – М.: ЭРН, 1999. – Т. 1. – С.139–141.
44. Булычев М.В. Социально-экономическое положение немецких селений Саратовской губернии в конце XIX – начале XX в. // Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения. – М.: Готика, 1996. – С. 210–219.
45. Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 23. Оп. 1. Д. 10721.
46. Население России в XX веке: Исторические очерки / под ред. В.Б. Жиромской. – М.: Росспэн, 2000. – Т. 1. – 463 с.
47. ГАСО. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1510.
48. Очерки истории Саратовского Поволжья (1894–1917) / под ред. И.В. Пороха. – Саратов, 1999. – Т. 2. Ч. 2. – 431 с.

49. Stojentin M. v. Ein deutscher Stamm auf fremder Erde // Landwirtschaftliche Wochenschrift für Pommern. – 1908. – S. 19–31.
50. Камышинские вести. Камышин, 1910. – 4 апр. – № 14. – С. 3.
51. Камышинские вести. Камышин, 1909. – 30 июля. – С. 3.
52. Герасименко Г.А. Противодействие крестьян Саратовской губернии столыпинской аграрной реформе // Поволжский край. Межвузовский научный сборник. – Саратов, 1984. – Вып. 7. – С. 3–28.
53. Дитц. Я. Путевые заметки // Камышин. вестн. – 1906. – № 14. – С. 2–3.
54. ГАСО. Ф. 400. Оп. 1. Д. 7.
55. Власть и реформы: от самодержавной к Советской России. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. – 800 с.
56. ГАСО. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1506.
57. ГАСО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 8057.
58. Малиновский Л. Немцы в России и на Алтае. – Барнаул, 1995. – 182 с.
59. Hilfer M. Die deutschen Kolonien in Rußland und die neueste russische Agrarreform // Deutsche Monatsschrift für Rußland. Riga, 1914. – № 56. – S. 439–444.
60. ГАСО. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1510.
61. Шестаков А.В. Крестьянские организации в 1917 г. // Аграрная революция. – М., Л., 1928. – Т. 2. – С. 157–158.
62. Кравчук Н.А. Массовое крестьянское движение в России накануне Октября. По материалам Великоорусских губерний Европейской России. – М., 1971. – 278 с.
63. ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 4519.
64. ГАСО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 4431.
65. ГАСО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 5409.
66. ГАСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 484.
67. Ерофеева И.В. Типы миграции немцев в Казахстан в дореволюционный период // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. – М.: Готика, 1998. – С. 159–170.
68. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8473.
69. Kloberdanz T.J. Die Auswanderung nach Amerika und ihre Auswirkung auf Identität und Weltanschauung der Wolgadeutschen in Rußland // Zwischen Reform und Revolution: die Deutschen an der Wolga 1870–1917. Hg. v. Dittmar Dahlmann – Ralph Tuchtenhagen. – Essen: Klartext, 1994. – S. 172–189.
70. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6128.
71. ГАСО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 4598.
72. Очерки истории Саратовского Поволжья (1894–1917) / под ред. И.В. Пороха. – Саратов, 1995. – Т. 2. – Ч. 1. – 318 с.

References

1. Ditts Jakob. *Istoriya povolzhskikh nemtsev-kolonistov* [History of the Volga German colonists]. Moscow: Gotika, 1997. 495 p.
2. Die Deutschen Russlands. Enzyklopädie / Hrsg. V. Karev. – Moscow: ERN, 1999. – Bd. 1. – 832 p.
3. Koch F.C. The Volga Germans in Russia and the Americas from 1763 to the Present. – London: Penn State University Press, 1977. – 388 p.
4. Scheuerman R.D., Trafzer C.E. The Volga Germans. Pioneers of the Northwest. – Moscow: University Press of Idaho, 1985. – 245 p.
5. Bourret J.-F. Les Allemands de la Volga. Histoire culturelle d'une minorité, 1763–1941. – Lyon: Presses Universitaires, 1986. – 530 p.

6. Schippan M., Striegnitz S. Wolgadeutsche. Geschichte und Gegenwart. – Berlin: Dietz-Verlag, 1992. – 240 p.
7. Long J.W. From Privileged to Dispossessed. The Volga Germans, 1860–1917. – Lincoln: University of Nebraska Press, 1988. – 337 p.
8. German A.A. *Nemetskaya avtonomiya na Volge 1918–1941. Chast' 1. Avtonomnaya oblast'. 1918–1924* [German autonomy on the Volga 1918–1941. – Part 1. Autonomous region. 1918–1924]. – Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 1992. – 192 p.
9. German A.A. *Nemetskaya avtonomiya na Volge 1918–1941. Chast' 2. Avtonomnaya respublika* [German autonomy on the Volga 1918–1941. – Part 2. Autonomous Republic. 1924–1941]. – Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 1994. – 416 p.
10. *Nemtsy v Saratovskom Povolzh'ye. Vypusk 5.* [The Germans in the Volga region. Issue 5]. – Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 1997. – 148 p.
11. Plevé I.R. *Nemetskiye kolonii na Volge vo vtoroy polovine XVIII veka* [German colonies on the Volga in the second half of the 18th century]. – Moscow: Mezhdunarodnyy soyuz nemetskoy kul'tury, 1998. 399 p.
12. Brandes D., Busch M., Pavlović K. Bibliographie zur Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen. – Bd. 1: Von der Einwanderung bis 1917. – München: R. Oldenbourg, 1994. 370 p.
13. Brandes D., Dönninghaus V. Bibliographie zur Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen. – Bd. 2: Von 1917 bis 1998. – München: R. Oldenbourg, 1999. 988 p.
14. Chernova T.N. *Rossiyskiye nemtsy: Otechestvennaya bibliografiya 1991–2000 gg.* [Russian Germans: National Bibliography 1991–2000]. – Moscow: Gotika, 2001. 268 p.
15. Long J.W. The Volga Germans and the Zemstvos, 1865–1917 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. – 1982. – Bd. 30. – P. 336–361.
16. Fallows T. *Forging the Zemstvo Movement. Liberalism and Radicalism on the Volga, 1890–1905.* Diss. Harvard University, 1981.
17. Long J.W. The Volga Germans of Saratov Province between Reform and Revolution, 1861–1905 // *Politics and Society in Provincial Russia: Saratov, 1590–1917* / Ed. by R.A. Wade, S.J. Seregny. – Ohio, 1989. – P. 139–159.
18. Janssen S. Germans from Russia in the United States and Germans in Russia, 1870–1928: a Comparison of Adaption in Democratic and Authoritarian Regimes // *Problems of Democracy in the United States* / Ed. by W.P. Adams u.a. – Berlin: John F. Kennedy-Institut für Nordamerikastudien, 1993. – P. 133–143.
19. Janssen S. Vom Zarenreich in den amerikanischen Westen: Rußlanddeutsche Immigranten in North Dakota und Nebraska (1870–1928) // *Deutsche in Rußland* / Hg. v. Hans Rothe. – Köln: Böhlau, 1996. – P. 87–101.
20. Kabuzan V.M. *Emigratsiya i reemigratsiya v Rossii v XVIII – nachale XX veka* [Emigration and re-emigration in Russia in the XVIII – early XX centuries]. – Moscow: Nauka, 1998. – 268 p.
21. Kabuzan V.M. *Russkiye v mire. Dinamika chislennosti i rasseleniya (1719–1989). Formirovaniye etnicheskikh i politicheskikh granits russkogo naroda* [Russians in the world. Dynamics of numbers and distribution (1719–1989). The formation of ethnic and political borders of the Russian people]. – St. Petersburg: Blits, 1996. – 352 p.
22. Voronezhtsev A.V. *Migratsionnyye protsessy v Povolzhskikh koloniyakh v XIX v.* [Migration processes in the Volga colonies in the 19th century] // *Migratsionnyye protsessy sredi rossiyskikh nemtsev: istoricheskiy aspekt*. – Moscow: Gotika, 1998. pp. 97–108.

23. Klobberdanz T.J. Plainsmen of Three Continents: Volga German Adaptation to Steppe, Prairie, and Pampa // Ethnicity on the Great Plains / Hg. v. F.C. Luebke. – Lincoln 1980. – P. 54–72.

24. Klobberdanz T.J. Die Auswanderung nach Amerika und ihre Auswirkung auf Identität und Weltanschauung der Wolgadeutschen in Rußland // Zwischen Reform und Revolution: die Deutschen an der Wolga, 1870–1917 / Hg. v. Dittmar Dahlmann – Ralph Tuchtenhagen. Essen, 1994. – P. 172–189.

25. Neutatz D. Die Wolgadeutschen in der reichsdeutschen Publizistik und Politik bis zum Ende des Ersten Weltkrieges // Zwischen Reform und Revolution: die Deutschen an der Wolga, 1870–1917 / Hg. v. Dittmar Dahlmann – Ralph Tuchtenhagen. Essen, 1994. – P. 115–133.

26. Schmidt D. Studien über die Geschichte der Wolgadeutschen. Teil 1: Seit der Einwanderung bis zum imperialistischen Weltkriege. – Pokrowsk; Moskau: Char-kow, 1930. – 386 p.

27. Zwischen Reform und Revolution: die Deutschen an der Wolga, 1870–1917 / Hg. v. Dittmar Dahlmann – Ralph Tuchtenhagen. Essen: Klartext, 1994. – 404 p.

28. Dönninghaus, Victor: Revolution, Reform und Krieg. Die Deutschen an der Wolga im ausgehenden Zarenreich. – Essen: Klartext, 2002. – 315 p.

29. Denningkhaus, V.: Revolyutsiya, reforma i voyna. Nemtsy Povolzh'ya v period zakata Rossiyskoy imperii [Revolution, Reform, and War. The Volga Germans during the sunset of the Russian Empire]. – Moscow: Rosspen, 2015. – 327 p.

30. Voronezhtsev A.V. *Poselyane-sobstvenniki Saratovskoy gubernii i stolypinskaya agrarnaya reforma* [The settlers-owners of the Saratov province and the Stolypin agrarian reform] // *Rossiyskiye nemtsy: Problemy istorii, yazyka i sovremennogo polozheniya*. – Moscow: Gotika, 1996. – P. 220–231.

31. Voronezhtsev A.V. *Nemetskiye kolonisty v Povolzh'ye v gody pervoy mirovoy voyny (na materialakh Saratovskoy i Samarskoy guberniy)* [German colonists in the Volga region during the First World War (based on material from the Saratov and Samara provinces)] // *Nemtsy Rossii: sotsial'no-ekonomicheskoye i dukhovnoye razvitiye (1871–1941 gg.)*. – Moscow: Gotika, 2002. – P. 71–95.

32. Nelipovich S.G. *Rol' voyennogo rukovodstva Rossii v «nemetskom voprose» v gody Pervoy mirovoy voyny (1914–1917)* [The role of the military leadership of Russia in the "German question" during the First World War] // *Rossiyskiye nemtsy: Problemy istorii, yazyka i sovremennogo polozheniya*. – Moscow: Gotika, 1996. – P. 262–283.

33. Nelipovich S.G. *General ot infanterii N.N. Yanushkevich: «Nemetskuyu pakost' uvolit' i bez nezhnostey...»: Deportatsii v Rossii 1914–1918 gg.* [„The German filth must be dismissed without tenderness...“. Deportations in Russia 1914–1918] // *Voyenno-istoricheskiy zhurnal*. – 1997. – № 1. – P. 42–51.

34. Nelipovich S.G. *Repressii protiv poddannyykh „tsentral'nykh derzhav“.* *Deportatsii v Rossii 1914–1918 gg.* [Repression against subjects of the "central powers". Deportations in Russia 1914–1918] // *Voyenno-istoricheskiy zhurnal*. – 1997. – № 6. – P. 32–42.

35. Nelipovich S.G. *Problema loyal'nosti rossiyskikh nemtsev v konfliktakh XX veka: istoriografiya voprosa i krug istochnikov* [The problem of loyalty of Russian Germans in the conflicts of the XX century: historiography of the issue and the range of sources] // *Nemtsy Rossii i SSSR: 1901–1941 gg.* – Moscow: Gotika, 2000. – P. 365–380.

36. Nelipovich S.G. *Istochniki po istorii nemetskikh kolonistov Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny (obzor dokumentov Rossiyskogo gosudarstvennogo voyenno-istoricheskogo arkhiva)* [Sources on the history of German colonists of Russia during

the First World War (a review of documents of the Russian State Military Historical Archive)] // *Rossiyskiye nemtsy: istoriografiya i istochnikovedeniye*. – Moscow: Gotika, 1997. – P. 106–117.

37. Totfalushin V.P. «Russkiye» nemtsy i nemetskiy vopros v gody Pervoy mirovoy voyny (na materialakh Saratovskoy i Samarskoy guberniy) ["Russian" Germans and the German question during the First World War (based on the materials of the Saratov and Samara provinces)] // *Krayevedcheskiye chteniya: Doklady i soobshcheniya IV–VI chteniy*. – Saratov, 1994. – P. 181–182.

38. Reshetov D.G. *Nemetskiye kolonii Nizhnego Povolzh'ya v gody Pervoy mirovoy voyny. Rukopis'* [German colonies of the Lower Volga during the First World War. Manuscript]. – Saratov, 2000.

39. Reshetov D.G. *Nemetskiye kolonisty zapadnykh guberniy Rossii, deportirovannyye v Povolzh'ye v gody Pervoy mirovoy voyny* [German colonists of the western provinces of Russia, deported to the Volga region during the First World War] // *Migratsionnyye protsessy sredi rossiyskikh nemtsev: istoricheskiy aspekt*. – Moscow: Gotika, 1998. – P. 184–195.

40. Reshetov D.G. *Pomoshch' nemetskikh koloniy Nizhnego Povolzh'ya frontu v gody Pervoy mirovoy voyny* [Assistance to the German colonies of the Lower Volga front during the First World War] // *Nemtsy Rossii i SSSR. 1901–1941: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. – Moscow: Gotika, 2000. – P. 52–62.

41. Reshetov D.G. *Vliyaniye Pervoy mirovoy voyny na sotsial'no-ekonomicheskoye razvitiye nemetskikh koloniy Nizhnego Povolzh'ya: diss. ... kand. ist. nauk* [The impact of World War I on the socio-economic development of the German colonies of the Lower Volga. Dissertation]. – Saratov, 2006.

42. Posadskiy A.V. *Sotsial'no-politicheskiye interesy krest'yanstva i ikh proyavleniya v 1914–21 gg. (na materialakh Saratovskogo Povolzh'ya): diss. ... kand. ist. nauk* [Socio-political interests of the peasantry and their manifestations in 1914–21 (Based on materials from the Saratov Volga Region). Dissertation]. – Saratov, 1997.

43. Denningkhaus V. *Bezzemel'nyye (kolonisty)* [Landless (colonists)]. // *Die Deutschen Russlands. Enzyklopädie / Hrsg. V. B. Karev*. – Moscow: ERN, 1999. Bd. 1. – P. 139–141.

44. Bulychev M.V. *Sotsial'no-ekonomicheskoye polozheniye nemetskikh seleniy Saratovskoy gubernii v kontse XIX – nachale XX v.* [The socio-economic situation of the German villages of the Saratov province in the late XIX - early XX centuries] // *Rossiyskiye nemtsy. Problemy istorii, yazyka i sovremennogo polozheniya*. – Moscow: Gotika, 1996. – P. 210–219.

45. *Gosudarstvennyy arkhiv Saratovskoy oblasti (GASO)* [State Archive of the Saratov Region (GASO)]. F. 23. Op. 1. D. 10721.

46. *Naseleniye Rossii v XX veke: Istoricheskiye ocherki / pod red. V.B. Zhiromskoy* [The population of Russia in the XX century: historical essays. Ed. V.B. Zhiromskaya]. – Moscow: Rosspen, 2000. Vol. 1. 463 p.

47. GASO. F. 400. Op. 1. D. 1510.

48. Poroch, I.V. (1999) *Ocherki istorii Saratovskogo Povolzh'ya (1894–1917)* [Essays on the history of the Saratov Volga Region (1894–1917)]. – Saratov. – Vol. 2. – Part 2. – 431 p.

49. Stojentin M. v. *Ein deutscher Stamm auf fremder Erde* // *Landwirtschaftliche Wochenschrift für Pommern*. 1908. pp. 19–31.

50. *Kamyshinskiye vesti. Kamyshin*, 1910. 4 April. № 14. p. 3.

51. *Kamyshinskiye vesti. Kamyshin*, 1909. 30 July. p. 3.

52. Gerasimenko G.A. *Protivodeystviye krest'yan Saratovskoy gubernii stoly-pinskoy agrarnoy reforme* [Counteraction of peasants of the Saratov province against the Stolypin agrarian reform]. // *Povolzhskiy kray. Mezhvuzovskiy nauchnyy sbornik*. – Saratov, 1984. Issue 7. P. 3–28.
53. Ditts. Yakob. *Putevyye zametki* [Traveling notes] // *Kamyshinskiy vestnik*. – 1906. – № 14. – P. 2–3.
54. GASO. F. 400. Op. 1. D. 7.
55. *Vlast' i reformy: ot samodержavnoy k Sovetskoj Rossii* [Power and reform: from autocratic to Soviet Russia]. – St. Petersburg: Dmitrij Bulanin, 1996. – 800 p.
56. GASO. F. 400. Op. 1. D. 1506.
57. GASO. F. 23. Op. 1. D. 8057.
58. Malinovskiy L. *Nemtzy v Rossii i na Altaye* [Germans in Russia and Altai]. – Barnaul, 1995. – 182 p.
59. Hilfer M. Die deutschen Kolonien in Rußland und die neueste russische Agrarreform // *Deutsche Monatsschrift für Rußland*. – Riga, 1914. – № 56. – P. 439–444.
60. GASO. F. 400. Op. 1. D. 1510.
61. Shestakov A.V. *Krest'yanskiye organizatsii v 1917 g.* [Peasant organizations in 1917]. // *Agrarnaya revolyutsiya*. – Moscow, Leningrad, 1928. – Vol. 2. – P. 157–158.
62. Kravchuk N.A. *Massovoye krest'yanskoye dvizheniye v Rossii nakanune Oktyabrya. Po materialam Velikorusskikh guberniy Yevropeyskoj Rossii* [The mass peasant movement in Russia on the eve of the October Revolution]. – Moscow, 1971. – 278 p.
63. GASO. F. 25. Op. 1. D. 4519.
64. GASO. F. 23. Op. 1. D. 4431.
65. GASO. F. 23. Op. 1. D. 5409.
66. GASO. F. 55. Op. 1. D. 484.
67. Yerofeyeva I.V. *Tipy migratsii nemtsev v Kazakhstan v dorevoljucionnyy period* [Types of migration of Germans to Kazakhstan in the pre-revolutionary period] // *Migratsionnyye protsessy sredi rossijskikh nemtsev: istoricheskiy aspekt*. – Moscow: Gotika, 1998. – P. 159–170.
68. GASO. Fund 1. Inventory 1. File 8473.
69. Klobberdanz T.J. Die Auswanderung nach Amerika und ihre Auswirkung auf Identität und Weltanschauung der Wolgadeutschen in Rußland // *Zwischen Reform und Revolution: die Deutschen an der Wolga 1870–1917*. Hg. v. Dittmar Dahlmann – Ralph Tuchtenhagen. – Essen: Klartext, 1994. – P. 172–189.
70. GASO. F. 1. Op. 1. D. 6128.
71. GASO. F. 23. Op. 1. D. 4598.
72. Poroch I.V. *Ocherki istorii Saratovskogo Povolzh'ya (1894–1917)* [Essays on the history of the Saratov Volga Region (1894–1917)]. – Saratov, 1995. – Vol. 2. – Part 1. – 318 p.